

«МАЛОРУССКИЙ БУНТ» НЕСТОРА МАХНО И «НЕМЕЦКИЙ ВОПРОС» В РОССИИ: СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ЭСКАЛАЦИИ КОНФЛИКТА

В статье рассматриваются причины и этапы эскалации конфликта между армией Нестора Махно и немецкими колонистами, исследуется психо-ментальная составляющая этого противостояния.

Ключевые слова: активация антиколониальных настроений, эскалация террора, виктимность, самозащита, отряды самообороны.

Презентация проблемы и задачи исследования. Проблема махновского движения и его действий на территории немецких поселений к настоящему времени была темой многочисленных исследований. Несмотря на внушительный объем накопленного фактического материала, понимание комплекса проблемы «махновцы и иноэтничное население на Юге Российской империи» все еще оставляет большой простор для интерпретаций. В данной публикации мы не ставим целью провести событийную реконструкцию истории махновщины. Она достаточно полно выполнена благодаря совместным усилиям как украинских, так и зарубежных историков [17; 18]. Более того, без наличия значительного числа такого рода исследований взяться за настоящую работу едва ли представлялось возможным. Со многими позициями авторов, которые искали социально-экономические, исторические и политические корни данного конфликта, мы вполне солидарны и не намереваемся опровергать их в принципе [19]. Данная презентация будет своеобразным ответом тем потомкам жертв или участников трагедии (преимущественно меннонитам), которые, часто не понимая сути момента, пытаются получить от исследователей ответ на вопрос: «За что и почему так?». Мы будем рассуждать о причинах проявления не просто агрессии, а сверхжестокости, которая выплескивалась во время не только военных столкновений, но и других интеракций между махновцами и населением немецких и меннонитских колоний. Понятно, что сам факт проявления насилия, как бы мы не порицали его наличие, не вызывает удивления и, следует признать, является спутником революций и сопровождающих их военных конфликтов. И предыстория (обстоятельства гражданской войны), и текущие события давали «установку на жестокость». Однако, как известно, одна и та же конфликтная ситуация в разных случаях приводит к разной степени проявления агрессии, амплитуда которой может колебаться от самозащиты до карательных операций – «апофеоза террора».

Анализируя события, мы будем вести речь о паттернах поведенческих характеристик военных контингентов Махно как народной крестьянской армии. Речь пойдет о проявлении терроризма и традиций народного бунта в интересующих нас обстоятельствах. Мы также попытаемся ответить на вопрос: «установка на жестокость была, но как в ней соотносятся осознанное и неосознанное, приказ и личная инициатива, прогнозируемое и ситуативно возникающее?»

Наша *гипотеза* состоит в том, что взаимоотношения Махно и его армии с колонистами имели этапный характер. Особенности каждого из этапов определялись объективными обстоятельствами гражданской войны, участием и позицией двух интересующих нас оппонентов в военном конфликте, а также формированием определенных настроений по отношению друг к другу. Динамика этих настроений шла по нарастающей: у махновцев – в сторону эскалации ненависти, у меннонитов – возрастания страха. Этап максимального накопления данных качественных характеристик привел к наибольшим жертвам. Добавим, что ключевыми для понимания данной проблемы являются традиционные для крестьянства тактики террора, бунта, погрома (для махновцев), а также чувство виктимности (для меннонитов). Поскольку мы анализируем психо-ментальную сторону конфликта, особое значение приобретают источники мемуарного характера [6-13].

В качестве *экспозиции конфликта* следует рассматривать особенности межэтнических и религиозных взаимоотношений, которые сложились в России в нач. XX в. [20; 23, 406-443]. Не останавливаясь на анализе «немецкого вопроса», характеристике которого посвящены специальные работы современных исследователей [20; 29], заметим, что в ходе антинемецкой и антиколониистской пропаганды сложился негативный «презентационный имидж» немецкоязычного населения, который культивировал образ немца-врага, нахлебника, достигшего благосостояния благодаря государственным привилегиям, и социальной группы, ничего не возвращающей российскому обществу и способной на предательство государственных интересов [5, 114]. Вместе с тем, подобно российскому национализму в целом, «немецкий вопрос», как социальное явление, развивался непоследовательно. В связи с этим элементы антиколониистской пропаганды, сохраняясь в сознании крестьянства, пребывали в состоянии анабиоза. При этом активация антиколониистских и антинемецких настроений в условиях социальных конфликтов была возможной.

Завязка конфликта связана с периодом формирования Повстанческой армии, ее тактики и идеологического обоснования движения. Как известно, Махно приступил к созданию своей армии с нач. 1918 г. До осени 1918 г. махновцы действовали в пределах Александровского у. и вели борьбу с австро-германскими оккупационными войсками. До октября 1918 г. под командованием «батьки» объединилось несколько отрядов. Осенью 1918 г. Махно стал руководителем повстанческого движения во всей Екатеринославской губ., и крестьяне целыми селениями переходили под его

начало. Насколько было известно махновцам, меннонитские колонии сотрудничали с оккупационными войсками, были настроены контрреволюционно (революцию махновцы понимали по-своему) и проявляли готовность поддерживать любые силы, выступающие за реставрацию старого режима.

Уже на первом этапе взаимоотношений между колонистами и армией, сформированной на подвластных Махно территориях Александровского у., активно использовалась тактика террора. *Террор как тактика* была известна Махно из теории и практики анархизма. Террор – политика устрашения, подавления политических противников насильственными методами. Как определял Г.В. Плеханов в работе «Белый террор»: «Это система действий, имеющая целью устранить политического врага, распространить ужас в его рядах» [31]. Терроризм – неоднозначный феномен, по-разному проявляющийся в различных исторических, политических, культурных условиях. В современной литературе есть множество определений данного явления [21, 6-7]. Нашу ситуацию наиболее полно отражает дефиниция американского исследователя нач. XX в. Дж. Хардмана, который рассматривает терроризм как «понятие, используемое для описания метода или теории, посредством которого организованная группа или партия стремится достичь провозглашенных ею целей преимущественно через систематическое использование насилия» [21, 9]. Террор выражается в нестесненных правом массовых актах: арестах, убийствах, нанесении сокрушительных ударов по целым социальным группам.

Махно, как анархист, должен был следовать общим представлениям анархистов о терроре. П. А. Кропоткин никогда в принципе не отрицал террор, однако его отношение к целесообразности такой тактики было осторожным [21, 225-243]. Он признавал отдельный террористический акт как средство возбуждения народных масс. Роль лидера Кропоткин видел, прежде всего, в подталкивании народа к восстанию. Об этом говорят зажигательные строки его «Бунтовского духа»: «Когда в какой-нибудь стране общее положение становится революционным, но дух протеста еще недостаточно развит в массах [...], тогда именно делом удастся меньшинству пробудить чувство личного почина и смелость, без которых невозможна никакая революция [...] Важнее всего то, что он будит бунтовской дух, пробуждает в людях смелость [...]» [21, 229]. Кропоткин призывал к аграрному и фабричному террору и рассматривал террор как пропаганду действием, которая должна быть понятна массам: «Необходимо помнить, что значение каждого террористического акта измеряется его результатами и производимым им впечатлением [...] Должен быть понятен всякому без длинных объяснений и сложной мотивировки». Для Кропоткина важной была и этическая сторона вопроса: поскольку террористический акт (или деяние) – это убийство человека (людей), вина которых не доказана, он может быть оправдан лишь состоянием, социальным опытом самого террориста [21, 235]. Террор как тактика, согласно Кропоткину, оправдан только тогда, если он является ответом на насилие, и его следует применять

лишь в исключительных случаях. Экспроприацию в процессе террора Кропоткин отрицал [21, 231].

Идея анархического террора нашла практическое воплощение в условиях первой русской революции 1905-1907 гг., что прослеживается, к примеру, на страницах листка «Хлеб и Воля» (издавался в Женеве в 1905-1906 гг.). «Цель фабричного и аграрного террора, – говорилось в одной из его публикаций, – довести фабриканта и землевладельца именно до того, чтобы они молились только о спасении шкур своих» [21, 244]. В одном из номеров анархистского листка «Хлеб и воля» был напечатан «Очерк анархистского движения в Екатеринославе» (за 1906), описывающий фабричный теракт, предпринятый против меннонита-предпринимателя. Автор сообщал: «[...] Был тяжело ранен выстрелом директор завода Эзау. Он проезжал в коляске по многолюдной Озерной улице. После первого выстрела жена его, ехавшая с ним, бросилась к нему и закрыла его собою. Стрелявший, чтобы не попасть в нее, прекратил стрельбу. Директор завода Эзау (наказан, поскольку) выдал много своих рабочих. Стрелявший скрылся. После покушения на жизнь директора завода Эзау социал-демократы распространили слух, что рабочие (выступили) против этого покушения, потому что этот директор – либерал. Но рабочие на большом митинге единогласно выразили свою солидарность с этим актом» [21, 234].

Другая анархистская группа – «Безначалие», образовавшаяся в Париже в 1905 г., распространяла обращения с пропагандой тактики «массовых убийств, поджогов, грабежей» [21, 245]. Журнал «Бунтарь» призывал анархистов к безмотивному террору, призванному быть «вечным упоминанием о вечной вине» [21, 248]. События 1917 г. продемонстрировали, что практика террора, ранее практикуемая и узнаваемая обществом, проявила способность к распространению. От террора не отказывалась ни одна из российских партий и военных сил. Каждая из них в условиях войны превратилась в настоящую систему организованного насилия.

Идея о терроре получила развитие в практике махновского движения. Махно признавался, что был недостаточно сведущ в практических положениях анархизма. Вместе с тем, он писал, что «знания практических идеалов [...] нигде нельзя почерпнуть кроме как в нашем непосредственном действии тех широких трудовых масс, во имя которых и силами которых мы до сих пор старались расчистить путь развитию революции» [10, 215]. К действиям против контрреволюции лидер призывал подходить «без доктринерства, прямо. Тогда трудовое крестьянство поймет нас (1918)» [10, 229]. Один из современных исследователей именуется махновщину «анархизмом действия» [27, 86]. Для махновцев террор выступал как средство восстановления справедливости через осуществление принципа: все отобрать и поделить, т.е. тактики, утверждающей идеал уравнительности. Массовая поддержка террора народными массами поясняется убежденностью сторонников данной тактики в том, что реальные проблемы общества решаются автоматически в борьбе с врагами, а не в мучительном

поиске новых решений [14, 500]. По этой причине почти полвека едва ли не основным средством воздействия на власть и окружающий социум были не цивилизованный диалог, а насилие: револьвер, бомба, сабля.

Анархический террор и его место в крестьянском сознании. Террор, как тактика анархизма, и некоторые, весьма пространно понимаемые крестьянством теоретические основы анархизма легли на благоприятную почву, подготовленную проблемной российской модернизацией, вековым социальным опытом российского крестьянства, традицией русского бунта. Власть распалась, и общество на короткое время осталось наедине с собой. Как писал в мемуарах А.И. Деникин, «шесть режимов, сменившихся до того на Украине, и явная слабость всех их, вызвала вообще в народе обострение тех пассивно-анархических тенденций, которые были в нем заложены извечно, вызывали неуважение к власти вообще, независимо от ее содержания» [8, 105]. Временная неустойчивость власти придавала силы крестьянскому движению, стремившемуся фактически полностью и самостоятельно покончить с помещичьим землевладением [26, 151]. «Черный передел» для крестьян выразился в разгроме очагов экономической и духовной культуры, подрыве хозяйственных связей с городом. Меннонитов и колонистов махновцы ассоциировали со старым порядком, считали агентами власти и монархического строя.

Террор (в форме грабежа) был важным стимулом повстанческого движения. Как утверждают исследователи махновщины, едва ли не единственными привлекательными для повстанцев факторами были акты экспроприации и раздачи имущества. И хотя в 1918-1919 гг. Махно издавал указы о запрете грабежей и самостоятельных реквизиций, приказы о наказаниях и расстрелах применялись не всегда [10, 15].

Следует остановиться на одном наблюдении, которое представил российский историк О.Г. Буховец, анализирующий степень воздействия устной агитации на сознание крестьян. Исследование показало, что степень эффективности такой пропаганды была низкой и составляла от 1,1 до 7,6% [22, 191]. Махно, в свою очередь, агитировал не словами, но делами и примером. Именно поэтому степень влияния его прокламаций (с весьма лояльными и толерантными мыслями) была низкой и мало определяла поведение его армии, а степень влияния примеров (террор и запугивания) – высокой.

Махно был понятен крестьянам еще и потому, что его агитация, в большей мере, исчерпывалась лишь отрицанием существующего положения. Отличительной особенностью сознания крестьянства была его доминантная деструктивность. Борьба крестьянства преимущественно была борьбой «против», чем борьбой «за» [22, 188]. Террор, как тактика, соответствовал данной цели.

Террор и насилие воспринимались в Повстанческой армии как норма. Многие из армии Махно были демобилизованными солдатами, которые около четырех лет провели на полях сражений. Война стала их образом жизни. Как писали большевики о Повстанческой армии в начале 1919 г.,

«состав частей – все больше солдаты. Кадр великолепный. С войны возвращаются не меньше как унтер-офицерами, материал прекрасный, но требует обработки» [7, 167]. Война произвела частичную «перезагрузку» социальности крестьянства, сформировав отношение к окружающей действительности.

Крестьяне доверяли Махно. И не только потому, что он был таким же, как они, крестьянином, человеком, который «сформировал себя», сделал своего рода политическую карьеру. Их, должно быть, поразили нищета и разруха, обнаруженные в своих селениях. За долгие годы войны и революции экономика государства была окончательно подорвана. Кто ответит за эти разрушения? Махно был тем лидером, который указал крестьянам на их истинного «врага», среди которых были четко обозначены колонисты. Поэтому важным является вопрос о том, как тактика террора соответствовала позиции Махно по национальному вопросу.

«Немецкий вопрос» в идеологии и тактике махновского движения. Одним из основных начальных посылов Махно как анархиста был интернационализм. В резолюции одного из съездов фронтовиков, подотделов и штабов им. Батьки Махно, принятой в феврале 1919 г., говорилось: «Национальный антагонизм, принявший в некоторых местах форму еврейских погромов – результат старого отжившего самодержавного режима [...] Перед лицом революции одинаково восстали угнетенные и порабощенные всех национальностей [...] Порабощенные всех национальностей, будь они русские, поляки, латыши, армяне, евреи или немцы, должны объединяться в одну дружную семью рабочих и крестьян [...]» [7, 87].

Известно, что Махно теоретически выступал как яростный противник еврейских погромов. В апреле 1919 г. подготовлено воззвание Махно, где, в частности, содержатся следующие строки: «Наш революционный долг – закричать громко, во всеуслышание против еврейских погромов [...] Ваш революционный долг – пресечь в корне всякую революционную травлю и беспощадно расправиться со всеми виновниками еврейских погромов [...]» [7, 137]. В статье «Еврейский вопрос», написанной в эмиграции, Махно, отвечая на многочисленные обвинения, оправдывался: «Когда свобода и жизнь еврейства насилывалась, я всех насильников уничтожал» [11, 521]. В к. 1918 г., после инцидента с еврейской колонией № 2, им был разослан по всем частям следующий приказ: «Всякий грабеж, убийство и изнасилование не только еврея или мирного жителя какой-либо другой национальности, но даже человека, стоящего в рядах наших противников – деникинцев, без ведома штаба влечет за собою расстрел» [11, 522]. Махно рассказывал о том, как, пытаясь оградить колонии от погромов, выдавал на каждую колонию ружья и патроны, а в рамках его армии была основана еврейская батарея [11, 523; 15, 196]. Разгром штаба атамана Григорьева Махно также связывает с его причастностью к антиеврейскому погрому [15, 197].

Махно позитивно относился к болгарам. В теории движения болгары рассматривались как этнос, который, наряду с украинцами, китайцами,

испанцами, был открыт для восприятия идей анархизма [32, 173]. По некоторым свидетельствам, Махно хорошо понимал и умел изъясняться на болгарском языке. Болгарские колонии получили у Махно право на автономию, центром которой должен был стать г. Бердянск. Как известно, частью армии Махно были болгарские, греческие и еврейские отряды. Несмотря на то, что болгары-предприниматели, подобно другим собственникам, оказывали некоторое сопротивление махновским экспроприациям, кровавых конфликтов у болгар с махновцами не происходило [32, 176-177].

5 августа 1919 г. Махно был обнародован приказ, в котором находим следующие слова: «За насилие над мирными тружениками, к какой бы национальности они не принадлежали, виновных постигает позорная смерть, недостойная революционного повстанца» [15, 202]. Несмотря на некоторую патетику, встречающуюся в высказываниях по национальному вопросу, отрицать присутствие национального подтекста на этапе «персонификации зла» (как в настроениях самого Махно, так и его армии) было бы, на наш взгляд, упрощением. В решении национального вопроса особое значение имело влияние теории анархизма, «старые счеты» и новые обстоятельства. К тому же Махно далеко не всегда мог контролировать подобные настроения в рядах своей армии.

Провозглашая себя интернационалистом, вместе с тем атаман заряжал армию своим негативизмом к немецким колонистам и меннонитам. Меннонитские историки высказывают предположение по поводу отношения к представителям данной этнической группы, объясняя это тем, что в детстве Махно являлся наемным работником в хозяйстве колонистов вблизи Гуляйполя. Известно также, что, будучи подростком, он работал на заводе Кернера [7, 14]. Заметим, что когда в нач. 1918 г. Махно освободился из тюремного заключения, куда попал как участник революционной группы, он был принят хозяином на старое место.

Характер взаимоотношений между Махно и меннонитами определялся тем, что колонисты не были для махновцев «вольными тружениками», а рассматривались как враги, эксплуататоры, представители того режима, который они отвергали и считали воплощением зла. Прежде всего Махно рассматривал меннонитов как военного противника. Широко известно, что меннониты в целом позитивно встретили немецкую оккупацию на территории Украины и оказали иноземцам, в т.ч. и некоторую материальную поддержку (как упоминает в своих воспоминаниях В.Ф. Белаш, «из немецких колоний тянулись подводы с продовольствием» [7, 26]). Немецкие солдаты отстаивали и охраняли помещичьи имения, т.е. оказывали противодействие «черному переделу» [10, 210]. В воспоминаниях Белаша содержится рассказ одного из крестьян, который, выступая на Втором съезде повстанцев, описал карательную операцию немецких оккупационных войск. Последние, «ворвавшись в село, в первую очередь ограбили общественную кассу, наложили контрибуцию на жителей, расстреляли несколько человек, и, не удовлетворившись этой жестокой расправой, подожгли село» [7, 77]. В

материалах Махно относительно колонистов используется дефиниция немцы-кулаки [10, 262]. Воспоминания Махно наполнены примерами актов насилия, осуществленных карателями-оккупантами против подозрительных им личностей [10, 200-202; 10, 219; 10, 226]. Немецкая оккупация была тем событием, которое «разбудило» антиколониистское сознание и превратило данный конфликт в национальный.

Излагая историю рейдов Повстанческой армии, Махно в своих воспоминаниях писал: «При объезде интересовавших нас районов Александровского и Павлоградского уездов нам пришлось вести бои с многочисленными немецко-австрийскими и гетманскими вооруженными лицами, а также разного рода отрядами немецких колонистов и кулацких хуторов, вооруженных командованием оккупационных войск и бывшей Центральной Рады» [10, 295].

Дальнейшее усиление антиколониистских настроений связано с поддержкой колонистами действий Добровольческой армии генерала Деникина (к. 1918 г. – январь 1919 г.) и формированием меннонитских отрядов самообороны, которые либо привлекались к участию в военных операциях, либо же выступали самостоятельно. В к. 1918 – нач. 1919 г. Махно с различным успехом воевал с меннонитской самообороной в районе Молочной, и ему было известно, что солдаты данного формирования, которые, в силу пацифистской специфики конгрегаций, не имели навыков ведения боевых действий, проходили подготовку под руководством офицеров немецкой и деникинской армий [35, 79]. Воспоминания Белаша наполнены примерами зверств и насилий, исходивших со стороны Добровольческой армии: «Отъезжая, я посмотрел в окно на дорогу, ведущую от станции в ближайшую колонию немцев. На деревьях, вдоль дороги болтались вытянувшиеся человеческие тела, рядом топтались солдаты. Повешены были пленные махновцы» [7, 26]. И, как признание, звучат слова соратника Махно: «Враждующие лагеря истребляли друг друга, истязали взятых в плен. Будь-то мобилизованный или доброволец, попадая в плен, не оставался в живых. Если это был махновец, его белые поджаривали, то есть сжигали на кострах, а после пыток вешали на столбах. Если это был белый, махновцы рубили его на мелкие куски саблями или кололи штыками, оставляя труп собакам» [7, 27]. Образ деникинцев в представлении махновцев наполнялся эпизодами, иллюстрирующими жестокость солдат, которые взрывали пленных, обвязывая гранатами, или же «поджаривали их на медленном огне» [7, 309]. Во время операции вблизи одного из русских селений на юг от Гнаденфельдской вол. в плену оказались пятеро махновцев, которые были расстреляны меннонитами [35, 87].

Добровольческая армия использовала меннонитскую самооборону в качестве вспомогательных войск. Как свидетельствуют сами участники, самооборона активно действовала в районе Клиппенфельд – Гамберг [34, 97], известно об участии подразделения в операциях близ сс. Черниговка, Блюменорт, Копани [7, 47]. Когда в нач. июня 1919 г. Деникин вернулся на

Молочную, некоторые меннонитские юноши, на сей раз по собственному желанию, пополнили ряды Добровольческой армии.

Самооборона также действовала независимо при защите колоний, что зачастую было для Махно неожиданностью. Летом 1919 г. Махно намеревался ввести свою армию в селения Хортица и Кичкас, где его встретил «эскадрон кавалерии и рота с пулеметом» [7, 313].

В воспоминаниях Махно содержатся достаточно обстоятельные описания военных столкновений в с. Дибривки [10, с. 251-264]. В том бою участвовали и колонисты. После ожесточенного сражения Махно писал: «Смерть! Смерть! Смерть за смерть каждого революционера, смерть за каждую изнасилованную крестьянку должна постигать каждого немецкого и австрийского солдата и офицера, гетманского вартового или кулацкого сына [...] Этот лозунг продиктован не кабинетными размышлениями людей, стоящих в стороне от практики; он был продиктован реальностью фактов [...] Минутами казалось, что такое отношение наше к помещикам и кулакам, к их главной опоре – контрреволюционным немецко-австрийским армиям нужно серьезно пересмотреть [...] Но в эту ночь нашего отступления из-под Дибривок горело село, зажженное солдатами, помещиками и кулаками» [10, 260]. Махно сообщает о том, что захваченные в плен мариентальские колонисты, принимавшие участие в операции, были разоружены и расстреляны [10, 263].

Как сообщал Махно, в нападении на Дибривки участвовали колонисты с. Красный Кут [10, 266–269]. Разведка предупреждала, что «немецкая колония вооружена с головы до ног. Руководящий центр борьбы кулаков и гетманцев [...] Носятся слухи, что они выехали в другие места воевать с повстанцами. Сообщили, что селение состоит из 60-70 домов». Когда селение было захвачено, в руках Махно оказались только 4 вооруженных колониста. В ходе обысков было обнаружено австрийское оружие. Махно утверждал: «Это немецко-австрийское командование наградило их за оказываемое ими его войскам содействие за борьбу с революцией» [10, 267]. Местные жители поясняли наличие оружия необходимостью защиты от нападения бандитов, что не убедило махновцев. Все жители колонии и скот были выведены в поле, а колония сожжена. Повстанцы наблюдали, как жители уходили по направлению к другим колониям и хуторам. Обосновывая свои действия, Махно поясняет: «Уничтожением этой колонии и последовательно ряда других кулацких хуторов по возможности вместе с их хозяевами [...] мы должны были сделать наше последнее предупреждение буржуазии» [10, 268].

В последующем Махно неоднократно упоминал, что объектом нападения его армии являлись «хутора, имения и колонии». Эта фраза, повторяемая им неоднократно в «Воспоминаниях», является семиотическим кодом, словесно отражающим главную цель, субъект, на который он направлял, нацеливал террор подвластной ему армии. Вопрос о соразмерности деяния и наказания не обсуждался. Поясняя тактику, которой следовала Повстанческая армия при захвате «колоний и хуторов», Махно писал: «Хозяева эти могли бы быть все уничтожены вместе с их усадьбами.

Но не жизнь этих хозяев нужна была повстанчеству, а реальное воздействие на их психику и та физическая победа над ними, необходимость которой диктовалась моментом [...]» [10, 304]. Эти слова звучат, словно своеобразный отголосок анархистского призыва: «Вечное упоминание о вечной вине». Активизируя негативные настроения крестьян, убеждая их в легитимности и справедливости их действий, Махно освобождал ту энергию, которую в дальнейшем был не в состоянии удерживать под контролем.

Развязка конфликта наступила во 2-м пол. 1919 г. Ее апогей, характеризующийся наибольшими жертвами, привел к разграблению и уничтожению 22 селений. Провальное наступление армии Деникина (июль-октябрь 1919 г.) завершилось военными удачами махновцев и закреплением их единоличного контроля на определенных территориях (октябрь 1919 г. – январь 1920 г.). Уже 5 октября 1919 г. Махно захватил Александровск, 8 октября – Молочную [34, 103], а в последующие две недели овладел Екатеринославом, низовьем Днепра, Мелитополем [13, 31]. 21 октября он вошел в с. Хортица, а вскоре все колонии данной волости находились под его контролем. К октябрю 1919 г. армия Махно насчитывала до 100000 чел. [13, 31]. Октябрь-декабрь 1919 г. – период наиболее активных действий махновцев на территории колоний. 26-27 октября 1919 г. войсками было уничтожено население с. Айхенфельд (Дубовка) (из 300 чел. убито 82) [13, 26]. В кк. Штайнбах, Эйхенфельд (Борозенко) махновцы не пощадили даже детей в колыбелях [13, 46]. По сведениям команды К. Штумппа, количество жертв Махно в различных селениях составляло: в с. Хохфельд (Морозово) – 19 [2, 5], Терноватое (Нойхорст) – 2 [4, 5], Блюменгардт (Капустянка) – 3 [1, 6], Остервик (Павловка) – 3 чел. [3, 5]. По сведениям Д. Рэмпеля, в Петерсдорфе было убито 8, Паульсхайме – 3, а на соседних хуторах и селениях – около 10 чел. [33, 220–232].

Режим террора был введен на всей территории колоний. В мемуарах описываются аресты и казни в с. Блюменорт [32, 91], на х. Апанлы [12, 48], зафиксированы жертвы в сс. Альтонау, Орлово, Тиге. Кровавые эпизоды в Заградовке с 24 ноября до 1 декабря 1919 г. закончились гибелью 208 чел. (Минстерберг – 84, Орлово – 44, Айхенфельд – 80) [35, 92].

Проанализируем данные события. Осенью 1919 г. перед Махно, как лидером, встали новые серьезные задачи. В сфере его влияния оказалась территория 50x150 км – казалось бы, достаточный для политического эксперимента регион влияния, где Махно мог попытаться реализовать свою мечту о строительстве новой вольной жизни, идею «безвластного коммунистического государства» и «третьей революции». Как сообщалось в печатном органе «Путь к свободе», махновщина переходила от анархических лозунгов к практическому строительству Советского Вольного строя. Принципы управления должны были основываться на решениях съездов Советов крестьянских, рабочих и повстанческих депутатов (февраль, апрель, октябрь) 1919 г. [16, 10]. Последний из них состоялся 20-26 октября 1919 г. Здесь было принято постановление о проведении реквизиций, также принята резолюция об организации вольных повстанческих сил, выдвигалась идея

вольных Советов. Земельный вопрос решался путем экспроприации земель и передачи их непосредственным производителям. Однако на деле идея «безвластного государства» приобрела форму *режима произвола*. Сам Махно в последующем признавал: «Часто, будучи слаб и бессилён все и вовремя на этом пути схватывать и формулировать, я спотыкался» [9, 535]. Именно на этапе своего наивысшего триумфа, максимальных возможностей, Махно не сумел реализовать свои идеи и политические планы. Армия, контингент которой достигал 100000 чел., выходила из-под контроля атамана.

Традиционная тактика в условиях пограничных ситуаций. Немецкие погромы. Основным контингентом Повстанческой армии было крестьянство – носитель определенного сознания, в котором исторически отложилась тактика бунтарского поведения и традиции русского бунта. В силу незрелости классового сознания, «антибуржуизма» крестьянства носило ситуативно-эмоциональный характер. Действия крестьян нередко принимали форму стихийных, неосознанных, импульсивных акций, направленных непосредственно против источника зла, которым крестьяне считали (не без пропагандистского воздействия революционных элементов), прежде всего, помещика, колониста, меннонита.

Независимое проявление чисто крестьянской тактики было особенно частым явлением в ситуации вт. пол. 1919 г. Повстанческая армия состояла из отдельных подразделений, во главе которых находились доверенные и в целом преданные лидеру люди, имевшие, однако, присущие им личные качества, уровень культуры, по-разному понимаемые цели. По этой причине в ход событий вмешивались особые механизмы социального поведения крестьян, которые, в свою очередь, были «родом из прошлого», проявлениями, свойственными крестьянству в условиях социального конфликта: бунт и погром.

Бунт – это стихийное восстание, мятеж [31, 124], результат разбалансированного состояния общества, которое является проявлением трансформации, вызванной модернизацией, либо другими новыми социальными явлениями в развитии гранд-нарратива. По определению С.В. Лурье, бунт – это инструмент функционального отреагирования напряжения общества [29, 429]. Как замечает А.С. Ахиезер, «бунт выступает как возмущение масс, перерастающее в беспорядки, неповиновение властям, погромы, направленные против тех, кто в данном случае рассматривается как носитель зла» [14, 88-89]. Требования бунтарей иррациональны, часто утопичны, выражаются специфическим языком и не всегда понятны тем, к кому они обращены. Смуты имеют свой сценарий, атрибутику, которые достаточно убедительно прослеживаются на примере махновщины.

Формирование Повстанческой армии происходило согласно традиции бунта. Как известно, в махновскую армию записывались целые деревни. Бунт всегда представлял собою общее, мирское действие (мир – общее мы). Бунтовал «мир» в полном составе, и главным объяснительным мотивом крестьян было: «Куда мир – туда и я. Мне от мира нельзя» [14, 436].

Русский бунт всегда выступал как выражение конфликтности между двумя внутренними альтернативами русского народа: мирской и государственной. В нашем случае меннониты и колонисты-землевладельцы, которые, как полагало крестьянство, были обласканы монархией, олицетворяли собою государственность – символ социальной несправедливости и эксплуатации.

Учитывая общую характеристику социального поведения крестьянства, следует также обратить внимание и на локальную специфику состава крестьян, входивших в состав армии Махно. Очевидно, что истоки будущих смут коренились и в самом заселении края, носившем отпечаток государственной колонизации. В результате сформировался тип людей, весьма чувствительных к утрате своего сравнительно свободного статуса.

Как упоминалось ранее, Махно не всегда имел возможность контролировать действия подвластных ему контингентов. Однажды, 18 марта 1919 г., Щусь, один из ближайших соратников Махно, отправился в к. Яблоково (Зильберталь) [10, 111] за контрибуцией. Колонисты сообщили, что денег в селении нет, и отправили посланцев в соседние деревни. Не поверив жителям колонии, Щусь расстрелял 8 богатых хозяев [7, 111]. Узнав о бесчинствах своего соратника, Махно отдал приказ расстрелять Щуся как мародера, однако затем отменил свое решение. Данная история имела неожиданное для махновцев продолжение. Жители колонии решили отомстить Щусю. Путем жребия они выбрали двух человек, которые должны были, жертвуя собой, убить главного виновника. Махновскому патрулю удалось остановить смертников в тот момент, когда они на повозке пытались добраться до штаба. После проведенного дознания Щусь отдал приказ о расстреле еще 30 колонистов, принимавших участие в жеребьевке [7, 189].

Другой иллюстрацией вышеназванного тезиса является предлагаемая нами рабочая версия погрома в Дубовке. Известна реконструкция событий, составленная на основании материалов этнографической экспедиции [17; 18]. Данная версия основана на двух источниках: внимательном прочтении публикации В.Ф. Белаша и воспоминаниях самих меннонитов. Судя по воспоминаниям меннонитов, Махно не принимал участие в данной карательной акции [13]. На основании имеющихся материалов мы можем назвать предполагаемую фамилию настоящего виновника трагедии. Так, Белаш сообщает, что 10 октября 1919 г. (по старому стилю) махновцам стало известно, что на ст. Волноваха находятся вагоны со снарядами. Их уничтожение было доверено некоему Тарновскому (штабисту, анархо-коммунисту), который в сопровождении «2-х экспедиций с пополнением» выступил в путь, но, «дойдя до колоний, запьянствовал, набрал [в колониях] тачанок и вернулся обратно [...] Махно [в это время] продолжал пить и гулять на свадьбах у повстанцев [...]». Наконец, по свидетельству Белаша, он уговорил батьку вспомнить о делах и выехать из Гуляйполя на Бердянск [7, 317]. Поскольку дата отсутствия отряда Тарновского совпадает с числами карательной экспедиции в с. Дубовка, можно предположить, что именно он

явился причиной тех кровавых событий (это мы рассматриваем как версию происшедшего, а не доказанный факт).

Именно данный период махновского движения и гражданской войны, который был назван меннонитскими историками «пиком Махновщины», привел к наибольшим жертвам среди меннонитов [33, 227]. На этом этапе тактика террора приобрела полную легитимность, стала жизненно необходимой для армии. Попытки администрирования Махно не выдержали испытания временем. В регионе, истощенном постоянными военными действиями и контрибуциями, начинался продовольственный кризис, который испытала на себе и махновская армия. К ноябрю 1919 г., как свидетельствовал Белаш, «благоприятное финансовое состояние сменилось почти кризисом» [7, 348]. Данные обстоятельства обостряли аграрные и национальные проблемы, усиливали настроения против тех, кого считали эксплуататорами и кулаками. С лета 1919 г. Политотдел 14-ой армии докладывал предсовнаркому Украины К. Раковскому о том, что в целом «национальная рознь весьма и значительно обострилась» [7, 268]. Сами же махновцы именовали этот период «кошмарными днями» [7, 284].

Как нам видится, в данных обстоятельствах вовсе не идеологические принципы, а голод привлекал воинов Повстанческой армии к меннонитским колониям, отличавшимся относительным благополучием, ибо, как показывают наши предварительные исследования, летом 1919 г. в колониях все еще был хлеб [24].

Анализ нескольких эпизодов нападения на немецкие деревни, проведенный на основе меннонитских мемуаров, показывает, что данные акции могут быть охарактеризованы как погромы с элементами крестьянского бунта. Погром – массовый эмоциональный взрыв, направленный против тех групп населения, которые рассматриваются погромщиками в качестве носителей мирового зла, виновных в разрушении привычного порядка и несправедливом состоянии общества [14, 341]. Погром может быть частью терроризма, а может вызвать бунт. Чаще всего, понятие погром используется как практическое проявление антисемитизма.

При более внимательном рассмотрении, антинемецкие настроения, как и антисемитизм – явления одного порядка, одна из попыток конкретизировать мировое зло, основанная на представлениях, что зло воплощается в некоторых народах, преднамеренно и злобно действующих на разрушение порядка, дезорганизирующих жизнь. На исследуемом нами этапе гражданской войны немцы, подобно евреям, рассматривались как субстанция зла.

Чтобы убедиться, что мы действительно имеем дело, на этот раз, с «немецким погромом», обратимся к воспоминаниям Махно относительно еврейского погрома в колонии № 2. В газете «Путь к свободе» от 24 мая 1919 г. сообщается, что отряд из 22 чел. «подъехал к еврейской колонии Горькой, население которой состояло исключительно из бедных евреев. Отряд цепью окружил колонию и начал дикую расправу над мирным трудовым народом. Одна часть отряда схватила самооборону и жителей и потащила в Совет, где

начала всех раздевать, бить, а после – рубить и расстреливать [...] Бешенный кровавый разгул длился около 3-х часов. Еще за две версты мы слышали крики [...]» [7, 177].

Как анализирует подобные события исследователь С. Гусев-Оренбургский, в условиях гражданской войны проявления погромов существенно изменились. Если ранее, в 1881 и 1905 гг., погромы были кратковременными акциями, локализованными во времени и пространстве, то в исследуемый нами период они принимали форму «сплошного непрерывного действия с неисчислимым количеством жертв (около 100 000 чел.)», с «из ряда вон выходящею свирепостью и утонченным мучительством» [25, 160]. Как схожа данная картина с описанием событий в Дубовке! [13].

Один из законов крестьянского бунта состоит в том, что на начальном этапе он характеризуется показной легитимностью. Но по мере развития событий крестьянский бунт переходит к прямому насилию, а затем – жестокости и зверствам [28, 437]. Это явственно прослеживается в динамике каждого конкретного эпизода. В случаях с карательными акциями – в Дубовке – тактика махновцев не носила характер налета с молниеносным захватом (то же мы находим и в воспоминаниях Д. Рэмпеля). Как показывает анализ используемых материалов, в ходе акции махновцы наводняли селения, обустроивались, вступали в разного рода отношения с местными жителями, как это и было в Дубовке. Затем приходила очередь расправ – своеобразный смысловой разрыв между намерениями и реальными событиями, когда действия принимали менее организованный и более хаотический характер. Наступал этап открытого грабежа и зверств.

Так же было и в Дубовке, где, по свидетельству меннонитов, находился Г. Гейнрихс – один из организаторов самообороны, который должен был стать первой «легитимной» жертвой нападающих. На этапе легитимности махновцы обошли дома, уничтожая землевладельцев. Затем начался этап открытого террора, существенно увеличив количество жертв, среди которых было много «случайных людей». Например, жертвой стал Г. Петерс, приехавший на осмотр к доктору и находившийся в приемной. Случайными жертвами стали студент-еврей и поляк из Галиции. По воспоминаниям Гейнриха Эппа (которому тогда исполнилось 13 лет), солдаты просто заходили и задавали своим будущим жертвам вопрос: «Немец? У нас приказ убивать немцев» [13, 47]. За этим следовала молниеносная расправа. Каратели не могли остановиться, и, как вспоминал Эпп, отправились в Хохфельд (Варваровку), где в течение двух часов было уничтожено еще 15 чел. [13, 47].

Об этом же показательно свидетельствует рассказ русского евангелиста, записавшего историю смерти 10 миссионеров в к. Дубовка. Миссионеры, получив накануне разрешение от Махно, 26 октября прибыли в Николайполь для проведения миссионерских собраний [34, 104]. Ситуация разворачивалась в двух плоскостях. Группа махновцев, посетив одно из собраний, слушала проповедь, соблюдала ритуал и даже молилась. Когда

собрание завершилось, братья отправились в местную школу, чтобы провести урок с детьми. Там их настигла другая группа махновцев. Солдаты не интересовались этнической принадлежностью миссионеров. Назвав их евангелистами, они увели жертв в заброшенный сарай, где расстреляли несчастных [34, 104–105].

В момент карательных операций в участниках просыпались элементы бунтарского сознания, которое, следует признать, нельзя отнести к состояниям, проявляющим лучшие свойства человеческой природы. В действиях восставших присутствовали черты провокационности. Похоже, что нападавшие сознательно провоцировали население на открытые действия, на проявление силы и жестокости. В случае с меннонитами они также ждали ответной реакции, которой, однако, не последовало. И это провоцировало удвоенную по силе негативную реакцию. В актах агрессии всегда скрыт дополнительный резерв силы, аккумулирующийся для достойного ответа, если последует реакция на вызов. Поскольку ответа не последовало, агрессия была использована не на защиту, а на последующее нападение.

Чувство виктимности, исходившее со стороны жертв (меннонитов и колонистов), усиливало у махновцев чувство триумфа над врагом, который после сопротивления (вспомним ситуацию с самообороной) вдруг оказался слабым и поверженным. И никто не задумывался о причинах отсутствия сопротивления. Для нападающих это было всего лишь свидетельством их преимущества, признанием победы. Возникало чувство неограниченного права управлять жизнью другого человека, когда один индивид, по отношению к другому, оказывался последней инстанцией, определяющей ценность существования жертвы, при этом испытывая ощущение своей значимости.

В действиях захватчиков отсутствовало какое-либо сострадание. Насилие крестьянства строилось на разделении мира на «своих» и «чужих», и представлениях о собственном моральном превосходстве и неполноценности других, в данном случае, эксплуататоров: относись к себе «как к людям», а к меннонитам – как к врагам, которые находятся вне закона, следовательно, закон и право по отношению к ним не воспринимаются.

Другой организационной особенностью армии Махно была постоянно происходившая смена состава. Одни приходили, другие шли отдыхать в тыл. Махновские части с легкостью вбирали новые силы: крестьян, красных бойцов из разбитых белыми частей, демобилизованных солдат, оставшихся без всякого дела в период разрухи, «безыдейных» бандитов. Они охотно поддерживали предложенную тактику террора и погрома. Легко предположить, что в условиях постоянной ротации состава армии участие в операциях было своеобразным обрядом инициации, негласной пробой на показную жестокость, пригодность быть ее солдатом.

Для понимания причин формирования виктимности недостаточно учитывать только меннонитский пацифизм. Обратимся к свидетельствам самих меннонитов, в частности, Абрахама Дика – мельника из Шенвизе. Его

воспоминания относятся к нач. 1919 г. – периоду первого союза Махно с советской властью. Тогда махновские набеги не имели такого ярко выраженного фатального характера для меннонитов. Дик проживал в Шенвизе, руководил работой мельниц, и до него периодически доходили свидетельства о деятельности Махно, которые мельник тщательно записывал в дневник [6]. Все это время меннониты проживали в условиях военных действий, просыпались и засыпали в ожидании новых неприятностей и смерти. В дневнике сообщается преимущественно о нападении отдельных небольших групп бандитов. Их визиты для нескольких человек чаще заканчивались трагически. Меннониты собирали деньги на самооборону. В конце января на ее содержание требовалось 40000 руб.: как писал А. Дик, «нам необходима защита, и люди должны платить» [6].

Уже тогда махновцы воспринимались как «банда», а их поведение всегда было непредсказуемым. Махновцы проникали в дома, требуя деньги, утварь, одежду. Они угрожали смертью даже тогда, когда получали затребованное. Вокруг образа махновцев формировалась атмосфера ожидания ужаса и смерти. Этот страх постоянно возрастал, и лишь вера в протекцию со стороны Бога была способна восстановить душевное равновесие. Дэвид Квириг, предприниматель из Дубовки, вспоминал [13, 53-66]: «Мы знали о том, что происходит на Хортице. Мы молились и просили Бога, чтобы бандиты оставили селение, но и прошли мимо нас». Описывая жуткие картины смертей и пыток, он добавляет: «Никто не может понять, что мы испытывали, с каким ужасом ожидали новостей, и каждый день ждали наступления сумерек» [13, 55]. А. Берг, 20-летняя девушка, писала, что тогда, видимо «самыми счастливыми были те, кто достиг своего вечного дома, находился с Богом» и не мог быть свидетелем «этих ужасных событий» [12, 52].

Чувство виктимности могло быть и следствием чувства греха, которое испытывали представители конгрегаций. Идея о самообороне по-прежнему воспринималась ими как недозволенное отступление от устоев своих религиозных воззрений. А приход карателей, который Бог не захотел предотвратить, видимо, воспринимался как наказание за грех. Виктимность жертв давала санкцию на насилие, воспринимаемое нападающими как триумф над злом.

Выводы. Т.о., важнейшей причиной событий последней трети 1919 г., которые привели к большому количеству жертв, является долгая история психологической эскалации этнического конфликта. Основными этапами данного конфликта являлись: антиколониистские настроения и колониостофобия начала столетия, их активизация и аккумуляция в 1918-1919 гг., и, наконец, развязка – реализация этих настроений в последней трети 1919 г.

Существенной была роль лидера, который активизировал данные устремления, персонифицировал субстанцию зла: хутора, имения, колонии. Он предложил тактику «социального отреагирования» этих настроений. Террор становится тактикой и частью идеологии движения. Идея

революционного насилия попала на благоприятную почву нищеты, озлобленности и необразованности и далее воплотилась в такие проявления, которых не ожидали ни лидеры, ни, вероятно, сами участники событий.

Будучи по характеру крестьянской армией, повстанцы в ситуации конфликта следовали традиционной для них тактике погрома и бунта. Повышенная жестокость была результатом поведения «экстремальной группы» в экстремальных условиях. Данные группы действуют спонтанно в состоянии коллективного безумия и слепоты, когда действия одного заряжают и подталкивают действия другого.

Сложно определить, что же было первичным или вторичным в действиях нападающих: социальные или психологические причины, либо же фактор изменения самоидентификации. Заметим, однако, что ситуация террора, становясь привычной, приводила к изменению ценностных доминант крестьянства, что позволяло новым властям работать с «новым человеческим материалом» и без труда строить «светлое будущее».

Список использованных источников и литературы:

1. Государственный архив Запорожской области (далее ГАЗО). – Ф. Р-1719. – Оп.1. – Д.8.
2. ГАЗО. – Ф. Р-1719. – Оп.1.– Д.11.
3. ГАЗО. – Ф. Р-1719. – Оп.1. – Д.15.
4. ГАЗО. – Ф. Р-1719. – Оп.1. – Д.16.
5. Российский государственный исторический архив. – Ф.821. – Оп.133. – Д.319.
6. Mennonite Heritage Centre Archives. – Dyck Abr. Diaries. – Vol. 37117.
7. Белаш А. В. Дороги Нестора Махно: историческое повествование / Александр Викторович Белаш, Виктор Федорович Белаш. – К.: РВЦ «Проза», 1993. – 592 с.
8. Деникин А. Очерки русской смуты / Антон Иванович Деникин // Вопросы истории. – 1994. – №9. – С.88-111.
9. Махно Н. Азбука анархиста-революционера // Н. Махно. Азбука анархиста / Нестор Иванович Махно: [сост., предисл.: Владимир Черкасов-Георгиевский]. – М.: Вагриус, 2005. – 572 с.
10. Махно Н. Воспоминания / Нестор Иванович Махно / под ред. С.С. Волка. – М.: Республика, 1992. – 334 с.
11. Махно Н. Еврейский вопрос / Нестор Иванович Махно // Н. Махно. Азбука анархиста: [сост., предисл.: Владимир Черкасов-Георгиевский]. – М.: Вагриус, 2005. – С.521-529.
12. Diary of Anna Baerg. – Winnipeg: CMBC, 1985. – 158 p.
13. Nestor Makhno and the Eichenfeld Massacre: A civil war tragedy in a Ukrainian Mennonite village / Ed. Harvey L. Dyck, John R. Staples, John B. Toews. – Toronto: Pandora press, 2001. – 116 p.
14. Ахиезер А.С. Россия: практика исторического опыта: [социокультурный словарь] (От прошлого к будущему): в 2 т. / Александр Самойлович

- Ахиезер. – [2-е изд., перераб. и доп.]. – Новосибирск: Сибирский хронограф, 1998. – Т. 2. – 600 с.
15. Аршинов П. История махновского движения / Петр Андреевич Аршинов. – Запорожье: Дикое поле, 1995. – 248 с.
 16. Бабічева О. С. Махновський рух другої половини 1919 р. / О. С. Бабічева // Грані. – 2006. – № 5. – С.7-11.
 17. Безносков А.И. Николайпольские меннонитские поселения в годы гражданской войны (1918-1920) / Александр Иннокентьевич Безносков // Вопросы германской истории: сб. науч. тр. / редкол.: С.И. Бобылева (отв. ред.) [и др.]. – Днепропетровск: РИО ДНУ, 2002. – С.97-111.
 18. Безносков А.И. Колонистское население и вооруженная борьба на юге Украины (конец 1918 – осень 1920 гг.) / Александр Иннокентьевич Безносков // Вопросы германской истории: сб. науч. тр. / отв. ред. С.И. Бобылева. – Днепропетровск: РИО ДНУ, 2005. – С.71-96.
 19. Бобылева С.И. К вопросу о причинах трагических событий в меннонитских колониях юга Украины в годы гражданской войны / Светлана Иосифовна Бобылева // Вопросы германской истории: сб. науч. тр. / отв. ред. С.И. Бобылева. – Днепропетровск: РИО ДНУ, 2005. – С.96-114.
 20. Бобылева С.И. Общественное мнение России конца XVIII – начала XX вв. о российском немце / Светлана Иосифовна Бобылева // Вопросы германской истории: сб. науч. тр. / отв. ред. С.И. Бобылева. – Днепропетровск: РИО ДНУ, 2004. – С.5-34.
 21. Будницкий О.В. Терроризм в российском освободительном движении: Идеология. Этика. Психология (вторая половина XIX – начало XX в.) / Олег Витальевич Будницкий. – М.: РОССПЭН, 2000. – 390 с.; О.В. Будницкий приводит в своем исследовании определение швейцарского социолога Г. Дэнника: «Терроризм – это систематическое запугивание правительства, кругов населения и целых народов путем единичного или многократного применения насилия для достижения политических, идеологических или социально-революционных целей и устремлений».
 22. Буховец О.Г. Ментальность и социальное поведение крестьян / Олег Григорьевич Буховец // Менталитет и аграрное развитие России (XIX–XX вв.): материалы междунар. конф. / отв. ред. Л.В. Милов. – М.: РОССПЭН, 1996. – С.190-202.
 23. Венгер Н.В. Меннонитское предпринимательство в условиях модернизации Юга России: между конгрегацией, кланом и российским обществом (1789–1920): монография / Наталья Викторовна Венгер // Днепропетровск: Изд-во Днепропетровск. нац. ун-та, 2009. – 699 с.
 24. Осташева Н.В. На переломе эпох... Меннонитское сообщество Украины в 1914-1931 гг.: монография / Наталья Викторовна Осташева. – М.: Готика, 1998. – 256 с.
 25. Гусев-Оренбургский С.И. Книга о еврейских погромах на Украине в 1919 г. / Сергей Иванович Гусев-Оренбургский. – Петроград, 1924. – 160 с.

26. Дьячков В.Л. Крестьяне и власть / В.Л. Дьячков, С.А. Есиков, В.В. Канищев, Л.Г. Протасов // Ментальность и аграрное развитие России. – М.: РОССПЭН, 1996. – С.148-153.
27. Ермаков В.Д. Махновщина: некоторые социально-бытовые аспекты повстанческого движения крестьян Украины / Владимир Дмитриевич Ермаков // Социс: социологические исследования: журнал АН СССР. – 1991. – № 3. – С. 76-86.
28. Лурье С.В. Историческая этнология: учебное пособие для вузов / Светлана Владимировна Лурье. – М.: Академический проект: Гаудеамус, 2004. – 624 с.
29. Нелипович С.Г. Проблема лояльности российских немцев в конфликтах XX века: историография вопроса и круг источников / Сергей Геннадьевич Нелипович // Немцы России и СССР: 1901-1941 гг.: материалы междунар. науч. конф. (Москва, 17-19 сентября 1999 г.). – М.: Готика, 2000. – С.365-380.
30. Немецкие населенные пункты в Российской империи / [сост. В. Дизендорф]. – М.: Общественная академия наук российских немцев, 2006. – 664 с.
31. Словарь русского языка: в 4 т. / ред. А.П. Евгеньев. – М.: Русский язык, 1988. – Т. 4. – С. 359.
32. Чоп В.М. Стосунки махновських повстанців з болгарськими колоністами Приазов'я (1919–1921) / Володимир Миколайович Чоп // Наукові записки: зб. пр. молодих вчених та аспірантів / Інститут української археографії та джерелознавства ім. Грушевського НАНУ. – Т.11. – К.: Інститут української археографії ім. Грушевського, 2005. – С.171-186.
33. Rempel D.A Mennonite Family in Tsarist Russia and the Soviet Union, 1789–1923 / David Gerrard Rempel, Cornelia Rempel Carlson. – Toronto, Buffalo, London: University of Toronto Press, 2002. – 356 p.
34. Ruchenau: The history of a village in the Molochna Mennonite Settlement of South Russia / L. W. Gislason. – P.95-98.
35. Toews J.B. Czars, Soviets and Mennonites / John B. Toews. – Newton, Kansas: Faith and Life Press, 1982. – 221 p.

Н. ВЕНГЕР

«МАЛОРОСІЙСЬКИЙ БУНТ» НЕСТОРА МАХНА ТА «НІМЕЦЬКЕ ПИТАННЯ» В РОСІЇ: СОЦІАЛЬНО-ПСИХОЛОГІЧНИЙ АНАЛІЗ ЕСКАЛАЦІЇ КОНФЛІКТУ

У статті розглядаються причини та етапи ескалації конфлікту між армією Нестора Махна та німецькими колоністами, досліджується психоментальна складова цього протистояння.

Ключові слова: *активація антиколоністських настроїв, ескалація терору, віктимність, самозахист, загони самооборони.*

N. VENGER

NESTOR MAKHNO'S «MALOROSSIA RIOT» AND «GERMAN QUESTION» IN RUSSIA: THE SOCIO-PSYCHOLOGICAL ANALYSIS OF CONFLICT ESCALATION

The article discusses causes and phases of conflict escalating between Nestor Makhno's army and the German colonists. The author researches psycho-mental component of this confrontation.

Keywords: *activation of an anti-colonialist sentiments, terror escalation, victimization, self-defense, self-defense units.*